

Swietłana Musijenko

Grodziński Państwowy Uniwersytet im. Janki Kupały, Białoruś

**«ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ» – КНИГА ПАМЯТИ
ОБ ЭЛИЗЕ ОЖЕШКО
«ELIZIE ORZESZKOWEJ W HOŁDZIE», ГРОДНО 1929**

«Умирать я еще не хочу. Сама этому удивляюсь, но не хочу. Я почувствовала и поняла это во время смертельного приступа, будто черное крыло заслонило мне глаза. И я почувствовала тогда не страх, а сожаление. Мне показалось, будто стою я посреди поля, как сеятель, с семенами, которые до последнего зерна я еще не успела бросить на вспаханную землю».

Элиза Ожешко

Это было 20 октября 1929 года. В городском парке Гродно собралась интеллектуальная элита Польши и цвет гродненской интеллигенции. В торжественной обстановке состоялось открытие памятника известной польской писательнице Элизе Ожешко. Путь к этому событию для гродненских почитателей таланта писательницы был долгим и тернистым. Он растянулся на целых 19 лет.

После смерти Ожешко 5 (18) мая 1910 года гродненская интеллигенция начала свои старания по увековечению памяти Элизы Ожешко. Казалось бы, народная заступница, Почетный гражданин города Гродно, писательница с мировой известностью заслуживала увековечения памяти в городе, который она прославила в творчестве и с которым познакомила читателя многих стран, поскольку ее произведения переводились на многие языки. Сказать, что превалирующее большинство произведений Ожешко связаны с Гродно, значит не сказать ничего. Она чувствовала красоту и притягательную

силу наднеманской земли, ритм жизни города, любила и понимала его жителей. Здесь, в Гродно, проявилось богатство и разнообразие ее талантов. Ботаник, врач, педагог, организатор, литературовед, писатель. Многие добрые дела, совершаемые когда-то писательницей, сохранились в памяти благодарных потомков, что-то в архивах, прессе и документах, но многое осталось нераскрытым, неразгаданным или попросту забылось.

Одним из таких фолиантов музейного типа можно назвать книгу, изданную в 1929 г. группой гродненских интеллигентов-энтузиастов, почитателей творчества Элизы Ожешко, «*Elizie Orzeszkowej w hołdzie*». Ее материалы порой используются гродненскими историками и краеведами, иногда без ссылок на источник, хотя и лежит эта книга в музейной экспозиции в доме, где жила писательница. В мире, к сожалению, она остается почти неизвестной. Книга – материальное и эмоциональное возрождение прошлого, своеобразный живой организм, помогающий почувствовать и понять мир и людей, представляющих нашу историю и культуру в красках, звуках, ароматах безвозвратно ушедшего времени. В этом плане книга об Ожешко имеет тройную значимость: многие ее авторы (М. Здоховский, В. Серошевский, М. Конопницкая, Т.Т. Еж, Л. Мейет, Ю. Йодковский и др.) лично знали писательницу, участвовали в жизни и событиях города вместе с Ожешко, со многими она делилась своими творческими планами (М. Здоховский, Л. Мейет, М. Конопницкая). Книга создавалась по живым следам бытия и творчества любимой писательницы. И в то же время она отражает трудный путь друзей и единомышленников писательницы, которые почти 20 лет, преодолевая препятствия, шли к увековечению ее памяти. В этом и заключалась любовь к Ожешко гродненцев, преклонение не только перед ее талантом, но и ее высокой миссией любить человека, сострадать ему, учить его добру, справедливости и братству.

Книга открывается удивительным высказыванием писательницы.

«Страдаем мы все. И из горячих капель, рассеянных в человеческих душах, создается цепь братства, грустная цепь, сиянием которой становятся слезы, слезы, благословенные столько раз, сколько раз они приносят радость утешения»¹.

Жизнь пани Элизы также представляет своеобразную цепь, сиявшую радостью творчества, признанием и любовью к ней людей и трагической горестью утрат и смертями близких: отец, сестра,

¹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 3

Нагорский, разгром восстания 1963 г., постоянный политический надзор, душевные терзания (Пётр Ожешко), тяжелая болезнь. Испытаний хватило бы на много человеческих жизней. Возможно, тяжесть переживаний облегчалась ее любовью к людям, ее трудами и заботами об этих людях. Достаточно вспомнить участие писательницы в восстании и с опасностью для собственной жизни спасение его вождя Ромуальда Траугутта. А сколько гродненцев обрели кров, пищу и спасение во время страшного пожара, уничтожившего почти весь город в 1885 г. А сколько обездоленных девочек и девушек обрели и себя, и профессию пребывая в ее приюте.

Гродненцы понимали, что Ожешко заслужила не только их любовь при жизни, но и право на увековечение памяти после ее кончины. Поэтому старания гродненской интеллигенции о создании памятника любимой писательнице начались еще в 1910 году, вскоре после ее смерти. Несмотря на мировую известность писательницы и на то, что с 1906 г. она была Почетным гражданином города Гродно, старания общественности остались без внимания. Ни правительство тогда царской России, ни администрация города не были заинтересованы в увековечении памяти участницы восстания 1863 г., творчество которой проникнуто идеями свободолюбия, равенства и социальной справедливости. Казалось бы, обретение независимости Польшей в 1918 г могло изменить ситуацию, но теперь вспоминалось лояльное отношение писательницы к русской интеллигенции. Ведь ее произведения были очень популярны в России и многие из них появились раньше, чем на польском языке, в петербургских изданиях в русских переводах.

В последней главе книги, посвященной Ожешко, описаны мытарства «Комитета по увековечению памяти Элизы Ожешко», связанные со сбором денег, объявлением конкурсов на лучший памятник, оплату его проектов и т.д. Эта история изложена в форме финансового отчета, из которого следует, что осуществление замысла «Дома имени Элизы Ожешко» должно было стоить около миллиона злотых, а собрано было с огромными трудностями всего лишь 35 000.

Согласно замыслу, «Дом имени Э. Ожешко» должен был состоять из семилетней школы, библиотеки на 50 000 тысяч книг, читального и концертного залов. Этот архитектурный ансамбль дополнялся бы бюстом писательницы, расположенном в городском парке.

В реальности все оказалось по-другому: 35 тысяч злотых в преобладающем большинстве были собраны с жителей и организаций Гродно.

Расходы на создание памятника вместе с издательскими расходами и расходами, связанными с торжествами по его открытию, составляют около 35 000 злотых. Наиболее значимые пожертвования на эти цели следующие:

Местный совет г. Гродно...15 000.

Совет Гродненского района...2 000.

Коммунальная сберегательная – касса Гродненского района...2 000.

Средства, собранные Б. Голендерским из Варшавы...– 6 200 и др.²

Как показано в отчете, большинство взносов сделано гродненцами.

В данном случае напрашивается сравнение с пожаром в мае 1885 г. в Гродно, когда Ожешко в объятном пламенем городе помогала пострадавшим, но жаловалась на то, что самые богатые люди мало жертвовали погорельцам.

Как же благородны были устремления издателей книги – исполнительного комитета по строительству памятника Элизе Ожешко.

Koszty wykonania pomnika (Domu im. Elizy Orzeszkowej) wyniosą w przybliżeniu zgorą *miljon* zł. i na ten wielki cel zdobyć się winna cała Polska, a nawet rodacy poza granicami państwa zamieszkali.

W tej myśli wydajemy tę książkę i odezwę do współobywateli³.

Их призыв актуален и сегодня, поскольку реализована лишь малая часть их благородного плана: в городском парке установлен бюст писательницы, автором которого стал известный скульптор Ромуальд Зэрых; издана книга «Elizie Orzeszkowej w hołdzie» Гродно, 1929 (под редакцией Стефании Ноститз-Ясковской и Юзефа Йодковского); проведено торжественное открытие памятника Ожешко, ставшее мероприятием государственной значимости и собравшее цвет польской творческой интеллигенции. Можно лишь удивляться тому, как удалось «Исполнительному комитету» «уложиться» в очень скромную сумму 35 000 злотых, вместо предполагаемого миллиона.

В истории «материального» сохранения памяти об Элизе Ожешко важную роль сыграл гродненский интеллигент Юзеф Йодковский. Нарушая последовательность анализа материалов книги, подчеркну значимость его статьи «Pamiętki po Elizie Orzeszkowej w Grodnie». Емкое и точное слово в польском языке «pamiętki» переводится как «память», «свидетельства памяти» и т.д., словом материальные свидетельства, предметы, книги и др., сохранившиеся после смерти Ожешко, которые

² *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929.c. 68.

³ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929.c. 68.

были ее собственностью или связанные с ней. По сути, Йодковский представил план возможного музея писательницы в предметах, книгах, событиях и датах, расположенных вдоль ее жизни. Готовя материалы для музея, Йодковский тщательно исследовал «судьбу» архивных материалов, рукописей произведений Ожешко, книг из ее личной библиотеки, даже предметов быта и мебели из ее дома.

Он обратил особое внимание на наименее изученный вид ее творчества, связанного с ее исследованиями наднеманской флоры: в 20-е гг. XX века был мало известен труд писательницы «Люди и цветы над Неманом» и особенно ее гербарии, не перестающие удивлять и жителей XXI столетия. Понимая научную значимость своей ботанической деятельности, Ожешко сама подарила свой гербарий Львовскому политехническому институту. Частично ее записи о растениях и засушенные растения попали в «Государственный музей в Гродно». Перечисление сведений о собранных и научно упорядоченных Ожешко растениях наднеманского края Йодковский заканчивает словами, исполненными восхищения трудом писательницы:

Z zasuszonych roślin były też układane pięknie skomponowane tablice, które po oprawieniu (w aksamitne ramki ze szkłem) służyły za ozdobę mieszkań przyjaciół znakomitej autorki, a dwa albumy... są przechowywane w zbiorach Museum Państwowego w Grodnie⁴.

Мировые войны, смены социальных укладов и революции влияют не только на судьбы живых и ушедших в вечность людей, но и на предметы, свидетельствующие о материальной памяти прошлого, а без прошлого, как справедливо утверждают мыслители и мудрецы, нет настоящего. К Ожешко в этом плане судьба была беспощадной и при ее жизни, и после ее смерти: писательница умерла, не имея наследников, накануне переломов и войн, повлиявших на судьбы всего человечества и изменивших его историю.

Возвращаясь к проблеме гербариев Ожешко, подчеркну, что на сегодняшний день – второе десятилетие XXI века – цветы, засушенные и обработанные писательницей, остались в полной сохранности, не изменили своего вида и цвета. Поражает материал фона, на котором эти цветы размещены, он также сохранил структуру, вид, окраску. А прошло ведь более ста, а может быть, и ста пятидесяти лет... Это мы видим на тех листах гербариев, которые сохранились. Сколько их

⁴ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 48.

было – остается тайной навсегда. Они сохранились в краеведческом (в прошлом государственном) музее (Старый замок в Гродно), несколько листов размещены в рамках дома Элизы Ожешко. О судьбе двух альбомов-гербариев я узнала в конце прошлого века во время одного из визитов в Музей литературы в Варшаве. Его директор профессор Януш Одровонж-Пененжек рассказал, что один альбом он купил за большие деньги у гродненского жителя (фамилия не была названа), другой – от него же получил в дар для музея. Страницу за страницей я осторожно переворачивала дрожащими пальцами, восторженно удивляясь их сохранности, а в конце не удержалась от вопроса: как же их смогут увидеть люди? И господин директор обещал все запечатлеть на киноплёнке.

Ю. Йодковский упомянул и о совершенно неизвестном виде деятельности Ожешко: оказывается, она сама делала обложки для своих книг.

«Należy poświęcić nieco uwagi pracom ręcznym E. Orzeszkowej. Niektóre książki autorki były oprawione w tkaniny własnego jej wyrobu i haftu»⁵. Современники писательницы, видимо, знали о ее ткацком мастерстве, поскольку в качестве фона для ее гербариев использовались собственноручно сделанные ткани, неповторимые и дополнявшие ее флористические картины. Не случайно на ее юбилей в 1882 г. группа поздравлявших писательницу евреев преподнесла в дар ее роман «Меер Езофович» в серебряной супер-обложке, судьба которой сегодня остается неизвестной.

Решение проблемы увековечения памяти Элизы Ожешко, поставленная авторами книги, естественно, выходила за ее пределы и во времени, и в пространстве, и в характере ее воплощения. Сохранение архива и рукописей писательницы и издание ее произведений относится к сфере национальной, региональной и мировой культуры. Память такой культуры заключена в слове авторском – художественно, в произведениях, издававшихся при жизни творца и издающихся после его смерти. Второй тип духовной памяти – это исследования об авторе. Можно с уверенностью утверждать, что труды о творчестве Ожешко намного превосходят его по объему, количеству и множеству суждений о нем. Таково отношение к наследию писательницы сегодня – в начале XXI века. Не менее популярной была Ожешко и при жизни. О ней много писали, ее произведения переводились на многие языки, но это

⁵ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 47.

были не аналитические труды, а восторженные отзывы о конкретных произведениях «младшей сестры Мицкевича» (Бжозовский), «звезды первой величины» (Франко), «ясновельможной пани», протянувшей руку страдающему белорусскому народу (Богушевич). Эти характеристики можно было бы продолжать. Они отвечали той роли, которую сыграла Элиза Ожешко как основоположница позитивизма, реализма, романа с ключом. К сожалению, фундаментальных исследований творчества Ожешко даже при ее огромной популярности при жизни не было, как и не было полного собрания ее сочинений. Серьезные работы, обобщающие многогранность творческого процесса писательницы, появились лишь через много лет после ее смерти. С гордостью отмечу, что начало им положено гродненскими учеными в их коллективном труде «Элизе Ожешко посвящается...» (*Elizie Orzeszkowej w hołdzie*). В девяти исследованиях, вошедших в книгу, представлены важнейшие аспекты творчества писательницы, которую жители Надднеманья называли народной заступницей.

Хочется вспомнить, что авторы и издатели книги были одновременно видными общественными деятелями, много сделавшими для развития культуры в Гродно, сохранения исторических памятников и свидетельств богатой многовековой и многонациональной истории этого уникального города. Итак, автором аналитического исследования «*O życiu i pracach Elizy Orzeszkowej*» была Иза Мощеньская. Эту статью можно назвать своеобразной сконденсированной аналитической эпопеей, в которой 50 лет творчества писательницы (от романа «Марта» до последнего сборника рассказов «*Gloria victis*») представлены в связях с жизнью и деятельностью автора, с героями и их прототипами – жителями Гродненщины, с важнейшими историческими событиями (восстанием 1863 г.) и городом Гродно. Мощеньская сумела кратко с эмоциональной напряженностью выразить главную проблему творчества Ожешко, показать ее роль, назначение и причины любви к ней народа.

Ожешко любила людей, – пишет автор, – любила их руки, утомленные трудом, головы, горячие от палящего зноя. И на сколько хватало дыхания в груди, она взывала о помощи им и о их защите, взывала к свету просвещения и к братской любви. Она без сожаления высмеивала тех, кто, покинув родину, гнал за славой, богатством, карьерой и оставался безразличным к страданиям и тяжкому труду, безрадостности и бессилию народа в родном краю, за который они несут серьезную ответственность⁶.

⁶ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 8.

В работе очень удачно используются высказывания Элизы Ожешко и цитаты из ее произведений, определяющие суть ее мировоззрения и творческие принципы.

»Człowiek – podkreśla Orzeszkowa – jest nurkiem szukającym pereł w gorzkim morzu życia», lecz «jakże trudno prawdziwą od fałszywej, żywą od martwej perłę odróżnić⁷.

Biedni mędracy izraelscy, którzy ścigali Edomitę (goja) nienawistnymi spojrzeniami. Biedny Edomita – śmiejący się z izraelskich mędrców i ich czcicieli. Lecz najbiedniejsza, o! najbiedniejsza ziemia ta, której synowie po wspólnej wiekowej podróży nie rozumieją wzajem mowy, ani ust, ani serc swoich⁸.

Bądźcie pożytecznymi ziemi tej, na której mieszkacie, a będą was szanowali. Oto jest pierwszy krok szczęśliwego, bo wzgarda gorzka, a szacunek słodki sercu ludzkiemu⁹.

С помощью этих высказываний исследователь приходит к утверждению главной идеи жизни Ожешко:

С верой в окончательную победу света над тьмой... шла Элиза Ожешко к завершению своего земного странствия, шла, чтобы уснуть в лоне родной земли, которую она так горячо любила¹⁰.

Логическим продолжением размышлений о творчестве Ожешко является статья Станислава Земака (в то время нотариуса и общественного деятеля в Гродно) «Ziemia rodzinna w twórczości Orzeszkowej». Впервые в науке о литературе автор обращается к одной из важнейших проблем в творчестве Ожешко – это проблема любви к земле. Земек назвал писательницу «поэтом земли», «поэтом радости и печали детей этой земли – от низин до вершин»¹¹.

Ziemia grodzieńska... w twórczości Orzeszkowej – to wielka miłość pisarki. Piekroć o tej ziemi pisze, ilekroć wplata ją w osnowę opowiadania, zawsze powie o niej serdeczne słowo. Gdy mówi o jej uprawie, to rozłącza przed nami długi zagon podorywki z miłośnie pochylonym nad sochą oraczem... Kiedy opowiada o polach w porze letniej, to rzuca przed nasze oczy cały kalejdoskop barw ze zbóż i traw kołyszących się pod powiewem wiatru lub znieruchomiałych w ciszy skwarne go południa. Kiedy odtwarza płynący Niemen, to każe nam przeżywać niepokój jego wartkich fal, zachwycać się cudownością jego wybrzeży, błękitem jego wód. Wzruszająco rzewnie dźwięczą u Orzeszkowej nad grodzieńską ziemią pieśni skowronków w porze letniej; tęsknie i melancholijnie ścielą się po polach jesienne mgły. Biel tych pól w zimowej,

⁷ Nałkowska Z. *Widzenie bliskie i dalekie*. Warszawa, Czytelnik, 1957. c. 8.

⁸ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 11.

⁹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 13.

¹⁰ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 14.

¹¹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 20.

śnieżnej szacie tchnie przedziwnym czarem... a wiosną ze swą niewysłowioną krasą, nigdzie równie chojnie nie rozsiewa tyle kwiecica, co po łąkach i sadach Grodzieńszczyzny.

Z tymi urodami naszej ziemi umiała Orzeszkowa w sposób niedościgniony łączyć życie jej dzieci – niezależnie od ich: stanowiska, pochodzenia, wiary»¹².

К апофеозу Земака хочется добавить лишь одно слово о людях, представленных в творчестве Ожешко, независимо и от их национальности.

К сожалению, Земак не назвал фамилии русского поэта, сказавшего трогательные и значимые слова о политической ситуации в Гродно (а возможно, и в стране) и о творчестве Ожешко на ее похоронах.

«Не стало тихого ангела, который даже зачерствелым душам навевал сны о любви и всепрощении. Не стало друга обиженных, преследуемых и поработанных»¹³. Не случайно на похоронах Ожешко подчеркивались значимость ее деятельности и борьбы за права женщин. Тот же, не названный Земаком поэт, сказал: «Закрылись навеки уста борца за человеческие права женщины» (курсив мой: С.М.), ставшие своеобразным стартом реализации «женской» проблемы в литературе и жизни. В связи с освещением этой проблемы в исследуемой книге надо разгадать еще одну научную шараду: автор статьи «Элиза Ожешко – основоположница борьбы женщин» не раскрыл своей фамилии, подписавшись под статьей сокращением: «Jot. Saw.». Дата ее завершения (07.07.1929) говорит, как и сама статья, об актуальности проблемы эмансипации женщины и в 20-е гг. XX века. Автор рассматривает женские образы в произведениях Ожешко в двух аспектах: «вдоль времени творчества» и по социальной принадлежности персонажей. Исходя из рассуждений Jot. Saw., можно утверждать, что счастливых женщин у Ожешко не было. Обратим внимание на эмоциональные характеристики героинь, которыми наделяет их автор статьи: Марта (одноименный роман) – «окровавленная» женщина, над которой «склонился страж порядка»; «карикатурный образ» Эмилии Корчиньской, «мужская натура» Юстины Ожельской, «согнутая тяжестью жизни» Кирло («Над Неманом»); «лучезарная телом и духом» Целина Клоньская, «женщина будущего», «монументальная фигура» Риты Слабецкой («Пан Граба») и др. Пеструю галерею героинь автор завершает показом образа самой Ожешко,

¹² *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 20-21.

¹³ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 22.

которая представила собственную точку зрения на роль женщины и в теоретических работах. В статье есть оригинальный имагологический прием: она анализирует работу Чеславы Пшевуской «Элиза Ожешко в литературе и движении женщин» и через ее восприятие выделяет основополагающие вопросы женской эмансипации, которые поднимала Ожешко в своих теоретических работах с 1891 и до последнего года жизни.

Эти вопросы Пшевуская называет «жемчужинами высокой ценности на этом поле»¹⁴. Ожешко обращалась с открытыми письмами к женщинам народов Европы и Америки и призывала их: «Не допускать никакого сепаратизма со второй половиной рода человеческого! Не мстить за обиды. А приобщаться к светочу знаний, который поможет найти силы, согревающие душу. Женщина должна «распрявиться»: она призвала быть нравственной, просвещенной и творить добро. Ожешко умела не только призывать женщин к свободе, но и быть требовательной к ним. «Если женщина, – писала она, – допущена к светочу знаний, но не хочет выполнить его заповедей, то пусть она «о первый, встретившийся на ее пути камень разобьет этот светоч»¹⁵. Ожешко любила интертекстуально использовать библейские приемы, сюжеты, коллизии, поучения. Примерами служат и ее художественные произведения, особенно роман «Над Неманом».

Jot. Saw. впервые в литературоведении обратилась к анализу писем Ожешко к женщинам разных стран, написанных на языках их народов. И можно говорить, что писательница не только призывала к эмансипации, но и сама воспользовалась ее возможностями, хотя жила в очень неблагоприятных условиях. Йот. Сав. удалось найти очень оригинальную и не используемую учеными до сих пор мысль Ожешко о том, в какой сфере во все времена женщина имела преимущество. В письме «О польке французам», заказанном редакцией журнала «Revue des revues» и опубликованном в нем, Ожешко писала:

*Что касается взаимоотношений между полами, то, думаю, что именно мы, Женщины, находимся в привилегированном положении, а мужчины должны стремиться достигнуть равноправия с нами и для нас, тех, которые начинают борьбу за свободу. Выбирать для нее сферу самую низкую в человеческом существовании было бы постыдным, да и времени на это жаль (Курсив Элизы Ожешко)*¹⁶.

¹⁴ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 16.

¹⁵ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 16.

¹⁶ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 17.

Ожешко не только начала борьбу за эмансипацию женщины, но вывела ее на международный уровень. Об этом свидетельствуют и творчество, и теоретические работы, и эпистолярное наследие писательницы. Главное, что факел этой борьбы, зажженный двумя великими женщинами Жорж Санд и Элизой Ожешко, подхватили и великие мужчины Г. Ибсен, И. Тургенев, Б. Прус и др.

...Czy kobieta współczesna w ogóle, a kobieta-Polska w szczególności, wstępuje na drogę wspinania się na szczyty wiedzy, pracy, wszelkiego ludzkiego dostojęstwa? Czy rozumie, że jako «siła nowa», powołana jest do wprowadzania w życie wysokiej zasady, «Homo homini res sacra»¹⁷, będącej martwą literą dotychczas?¹⁸.

Эти слова Ожешко звучали как завещание женщинам. К счастью, для писательницы реализация этих призывов началась еще при ее жизни. В 1907 г. в Варшаве состоялся Первый конгресс женщин, на котором должна была быть почетным делегатом и Элиза Ожешко. К сожалению, болезнь помешала ей осуществить это намерение. Выходя за пределы анализируемой книги, скажу, что конгресс проходил под знаком признания заслуг Элизы Ожешко. Почти все мужчины – его участники посвятили писательнице свои доклады. К событию было приурочено открытие в Варшаве сиротского приюта имени Элизы Ожешко. Из старшего поколения великих эмансипированных женщин на съезде присутствовала Мария Конопницкая. Элиза Ожешко, хотя и болела, но очень внимательно следила за его работой. Польская пресса широко освещала это событие. В журнале «Критика» были помещены доклады участников конгресса. Автор статьи (Jot. Saw.) описывает довольно подробно Второй Съезд женщин, состоявшийся в 1917 г. в Варшаве, подчеркивая значимость борьбы женщин за эмансипацию в свете призывов и лозунгов Элизы Ожешко. Много внимания было уделено и проблемам жизни женщин на земле, где жила Элиза Ожешко. Знаменательным является факт, что и к моменту издания книги в 1929 г. женская проблематика и призывы Ожешко не утратили актуальности. Потому Jot. Saw. заканчивает статью вопросом, сопровождающимся мыслью Ожешко, «свободные со свободными и равные с равными». Какой характер с течением времени примут взаимоотношения между мужчиной и женщиной?»¹⁹

¹⁷ Человек человеку несет святость.

¹⁸ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 17.

¹⁹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 19.

Особое место в творческом сознании Ожешко занимала проблема жизни народов, населяющих Гродненщину. Многонациональная галерея героев ее творчества стала оригинальным памятником жителям надлеманского края. Это был коллективный герой – удивительный многоцветный калейдоскоп, состоящий из колоритных фигур персонажей с их социально-психологическими характеристиками, обычаями и культурой каждого народа, живущего на этих землях. Возможно, скульптор Ромуальд Зэрих, создавая столь высокий постамент памятника Ожешко, думал о размещении на нем героев. Белорусы, русские, поляки, евреи, татары пришли на страницы ее произведений как равные и любимые писательницей живые люди. Отдавая должное социальным и национальным страданиям их представителей в настоящем, Ожешко умела открывать красоту их души, величие истории края и красоту природы.

В мировой литературе, особенно XIX века, сложились своеобразные стереотипы: страдающий от угнетения белорус, бунтующий поляк, притеснитель-русский, жертва погромов – еврей и т.д. Ожешко разрушила эти стереотипы. Наряду со страданиями, она показала красоту души белорусского народа (Петруся в «Дзюрдзях»), имела много друзей в России и издавала там свои произведения, от русской администрации в Гродно писательница получила звание Почетного гражданина этого города в 1906 г., несмотря на постоянный жандармский надзор. Сочувствуя гонимому еврейству, Ожешко создала необыкновенно интересный философский роман «Меер Езофович», показав в контексте библейских учений его судьбу. Не случайно в исследуемом коллективном труде много места уделяется проблеме еврейской. Хелена Ромер включила интересный реальный факт в свою статью об истории «еврейского» романа Ожешко и его прототипе – мозырском нотариусе Самуэле Соломоновиче Шендеровиче, который встречался с Элизой Ожешко в середине 80-х гг. XIX в. Его история и типична (гонимое еврейство), и удивительно неповторима: он добр, образован, чувствует страдания другого, в том числе и врагов своих. Это христианин по духу и иудей по вере. Но эти черты не противоречивы, они обогащают душу человека. Шендерович прекрасно знал роман Ожешко и чувствовал тесную сопричастность с его героями. Следует в данном случае обратить внимание на название статьи Хелены Ромер «Zdobycz polska» (можно перевести «zdobycz» словами – «клад», «достояние», «шедевр»), но суть ее заключается в показе библейского человеколюбия, которое является и главной идеей романа «Меер Езофович». Поэтому автор столь лирично завершает статью воспроизведением встречи Ожешко и Шендеровича,

свидетельницей которой была госпожа Ромер: «Воспользовавшись тем, что я отошла в сторону, пан Самуэль Шендерович без колебаний подходит к ней и, склонив темную кудрявую голову, спрашивает.

«Госпожа Ожешко?»

«Я», – отвечает она спокойным, приятным голосом, прекрасные глаза на некрасивом лице смотрят на него. «А я Меер Езофович», – произнес он громким взволнованным голосом.

Дивные умные глаза заблестели ярче с пониманием того, что хотел бы сказать господин Самуэль Шендерович из Мозыря»²⁰.

Рассуждения об исследованиях гродненцев часто сопровождаются словом «впервые», поскольку в них представлены не только неизвестные факты об Ожешко, но впервые же публикуется и корреспонденция самой писательницы, и некоторые письма к ней от друзей и единомышленников. Раздел под этим названием предваряет вступительная статья младшего современника и близкого друга писательницы, профессора Виленского университета Марьяна Здеховского, с которым ее связывали многолетние взаимные визиты, разговоры о литературе, издательских делах и т.д. Это была первая попытка издания архивных материалов писательницы. Девять писем с 1898 до 1909 г., написанных Ожешко молодому профессору, затрагивают самые разные проблемы, правда, в большинстве они относятся к литературе, оценкам произведений разных эпох – от писем Абеяра к Элоизе до анализа прозы младшего брата Здеховского Казимира. Для белоруса и гродненца особую значимость представляет письмо Ожешко к Здеховскому от 26 июня 1898 г., в котором она просит своего друга приехать в Гродно позднее, поскольку сама уезжает в Беловежскую пуščу. «Pobyт w puszczы uśmiecha mi się nadzieją zobaczenia rzeczy wspaniałej pod względem przyrody, podobno ciekawej i oryginalnej pod względem miejscowego ludu. Może potrafię ten kawał kraju i narodu przez żadne pióro jeszcze nie tknięty do literatury wprowadzić. Było by to tak wielkim szczęściem, że prawie nie śmiem o nim marzyć. Jednak próbować to obowiązek. Postaram się go spełnić».

До этих слов фрагмент письма Ожешко цитируется довольно часто, особенно в Беларуси. И это объяснимо, поскольку именно в нем заключена важная мысль – внимание и интерес писательницы к белорусам, к их жизни, природе, обычаям. Однако не меньшую значимость имеет и продолжение, сочетающее аспекты лирический,

²⁰ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 52.

глубоко личный и общечеловеческий: «Вы отгадали глубокую веру моей души, – пишет далее Ожешко, – в Силу, Волю, Мудрость и Доброту (заглавные буквы в оригинале письма: С.М.), непонятную и совершенную, которой мы должны повиноваться»²¹.

Окруженная людьми, активно работающая творчески, выполняющая множество общественных обязанностей, Ожешко очень редко жаловалась на одиночество. Видимо, она очень редко открывала свою душу. Исключением был Марьян Здеховский: с ним писательница делилась и творческими планами, и жизненными трудностями. Читаем письмо от 24 декабря 1900г. «...по причине места жительства в Гродно я работаю в таком одиночестве, в каком, возможно, не случалось работать никому из писателей»²².

Особую значимость представляют письма Ожешко, в которых содержатся важные мировоззренческие, литературоведческие и исторические оценки эпохи XIX в., связанные с последствиями восстания 1863 г., судьбой Польши, анализом причин несостоятельности позитивизма, нравственных исканий и идейных позиций творца и др. В письмах часто встречаются высказывания, свидетельствующие о намерениях писательницы и ее долге перед обществом: своим долгом она считала познание жизни других народов, выехать в пущу, чтобы описать ее жителей и природу, открыть издательство в Вильно, чтобы приобщить народ к чтению²³, отозваться о творчестве своих молодых коллег (Выспяньского, Пшибышевского), чтобы понять изменения, происходившие в литературе²⁴. В девяти впервые опубликованных письмах проявился талант Ожешко – мыслителя, гражданина, политика, мастера эпистолярного стиля и эзопова языка. Следует вспомнить, что писательница одна из первых рассказала о восстании 1863 г. задолго до реабилитации его участников и снятия цензуры с его (восстания) темы. Всего четыре письма, адресованные Элизе Ожешко, являются убедительным свидетельством восприятия писательницы ее коллегами. Т.Т. Еж благодарит ее за критические замечания о его творчестве, изложенные в статье «*Studium o powieściach Jeża*» (очерк о романах Ежа). Он писал: «Из Вашего очерка я научился очень-очень многому и за это следует с моей стороны сердечно Вас поблагодарить. Спасибо Тебе, Госпожа!»²⁵.

²¹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 30.

²² *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 33.

²³ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. c. 29-30, 32.

²⁴ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 35, 36.

²⁵ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. c. 39.

Не менее интересен фрагмент письма друга Ожешко Леопольда Мейета о попытке корректирования романа писательницы «Над Неманом». Коротыньский (корректор издательства) держал в руке огромный красный карандаш.

Он, – шутливо отметил Мейет, – пытался и стремился «над Неманом» отшлифовать роскошные дубы этой местности, но был так зачарован «над Неманом» (новым романом госпожи Ожешко), что большой красный карандаш выпал из его рук, сломался и стал ненужным для каких-либо боевых действий «над Неманом». Это я с удовольствием довожу до сведения автору этого романа, которую «над Неманом» найти не составит трудности²⁶.

Обратим внимание на игру слов «над Неманом», имеющую одновременно и шутливый характер, и выражающую восхищение корректора и автора письма романом Ожешко. Мейет специально название произведения пишет с маленькой буквы, будто подчеркивает его типичность, правдивость и популярность.

В сборнике помещены два письма близкой подруги и единомышленницы писательницы Марии Конопницкой. Первое – датировано 15 мая 1906 года. Оно имеет и ярко выраженный философский характер, и скрытое разочарование, а точнее осмысление трагедии разгрома революции 1905 г., и говорит о привязанности, теплоте чувств и сердечности отношения к Ожешко. В двадцати строках письма раскрыты изящество разума и речи, умение использовать эзопов язык, глубина собственных чувств и значимость Ожешко для литературы.

Моя самая родная, Дорогая!.. Кто знает, о чем бы я могла говорить, если бы была с Тобой... я прижалась бы к Тебе, взяла бы в ладони Твою добрую руку и молчала бы. А Ты бы и так знала, о чем я думаю и что чувствую... Возможно, обе мы молчали бы, слушая как идет – нет! как летит время... побуждая к бегу опоздавшие события мира... Все должно достигнуть цели в назначенное время... кто замедлил ход, кто остановился, кто уверовал в нерушимость идей, государства, народов, должен мчаться, к этой цели сломя голову, даже если при этом падет. И падает: свист, треск, неожиданная погоня как Валькирия времени. А все что-то несут с собой – что-то, что происходит, что-то, что хочет жить, что-то, что должно жить, и что-то, что умирает.

Хорошо было бы, чтобы мы молча слушали. Возможно, ждали бы. Я хотела бы дождаться не дня, а хотя бы маленького отблеска справедливости. Но, наверное, я не дождусь... А ты живи и дождись. Ты! самая добрая, потому что ты работала много, тяжело и благородно вместе с временем! Да и ты сама являешься частью этого побуждающего деятельность времени²⁷.

²⁶ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 39.

²⁷ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 38-39.

Обширность цитируемого фрагмента позволяет увидеть мастерство и изящество творчества Марии Конопницкой и понять многогранность, теплоту, а главное – мировоззренческую схожесть позиций двух великих представительниц польской культуры последней трети XIX века.

Второе письмо Конопницкой было написано за три месяца до смерти Ожешко. Да и автору этого трогательного послания оставалось жить немногим больше полугода, но тревожилась она не о себе, а о самом близком человеке:

Я потрясена известием о Твоей болезни, и если бы у меня хватило хоть чуточку сил, полетела бы туда, чтобы быть с Тобой и ухаживать за Тобой... Мой добрый дух, живой дух, дух, страдающий даже умершим, дух, у которого болят раны от нашего распятия! Целую твои дорогие руки, прижимаю к груди этих святых божьих тружеников. Они сотрудничали с твоими ясными и благородными мыслями и успокой нас доброй весточкой о Твоем здоровье, как можно скорее²⁸.

Удивительным для Гродненщины было это первое десятилетие XX века. Старшее поколение важнейших деятелей культуры еще было полно творческих замыслов, понимало и наблюдало изменения, происходившие в литературном процессе и жизни и пыталось воплотить их в собственных творениях. У Ожешко это было обращение к теме восстания 1863 года, представленного в совершенно новом эстетическом ракурсе в сочетании документальной точности с романтически возвышенным видением трагедии этого события (сборник новелл «*Gloria victis*»). У Конопницкой – откровенный призыв защищать национальную целостность Польши и бороться за независимость («*Rota*»). В этот же период на литературное поприще вступало и уже заявило о себе новое поколение писателей, воплощавших в своем творчестве традиции великих учителей, создававших новые эстетические ценности.

Для Гродненщины таким своеобразным медиатором стала Стефания Семполовская, которая значительную часть своей деятельности посвятила защите прав узников польских тюрем. К сожалению, почти не изученной остается деятельность Элизы Ожешко, связанная с проблемой узников гродненской тюрьмы. Неоднократно бывавшая в Гродно Мария Конопницкая занималась защитой прав заключенных и об этом обе писательницы говорили. Кроме того, Стефания Семполовская была на юбилейных торжествах Элизы Ожешко в 1892 году, после которых она (Ожешко) специально ездила в Вильно и беседовала с молодежью,

²⁸ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 40.

участвовавшей в политических движениях. И естественно, тема тюрьмы (и гродненской, и виленской) и судьбы политических узников были в центре внимания. Будучи под постоянным полицейским надзором, Ожешко не могла эту сторону своей деятельности придавать огласке. Достаточно вспомнить, с какой отчаянной храбростью она бросилась спасать в 1863 году вождя восстания Ромуальда Траутутта и как часто обращалась к политическим проблемам в своем творчестве («Дзюрдзи», «Над Неманом», «Gloria victis» и др.). Видимо, эти материалы кроются в архивах не только Гродно и ждут своего исследователя. Следует подчеркнуть, что Стефания Семполовская всю свою жизнь и в условиях разделов Польши, и после обретения ею независимости занималась защитой прав заключенных и приобщила к ней Зофью Налковскую, приехавшую в Гродно в 1922 году. Второй ее приезд в Гродно был связан с открытием памятника Элизе Ожешко, состоявшимся 20 октября 1929 г. Налицо преемственность ее традиций не только в творчестве, но и в общественной деятельности. К сожалению, Налковская не встретила с Ожешко, но хорошо знала и любила ее произведения. Кроме того, в 1907 г. Ожешко должна была участвовать в работе Первого конгресса женщин, но помешала этому ее болезнь. Налковская, тогда начинающая писательница, сделала доклад на этом конгрессе «Заметки о нравственных принципах движения женщин». Известно, что Мария Конопницкая покинула заседание в знак несогласия с концепцией доклада Налковской и рассказала об инциденте Ожешко, также отозвавшейся о докладе неодобрительно. Текст выступления и объяснения Налковской печатались в журнале «Критика» в 1907 и 1908 годах, но ни в адрес Ожешко, ни в адрес Конопницкой она никогда не высказывала ни претензий, ни отрицательных оценок²⁹.

О значении преемственности поколений писал и Адам Аснык, мысли которого использовали авторы исследуемой книги С. Земак, Ю. Йодковский, Э. Балос и др.

Zmarłych pokoleń idealna sfera
 W żywej ludzkości wieczne ma siedlisko,
 A grób proroka, mędrca, bohatera
 Jasnych żywiołów staje się kołyską³⁰.

²⁹ Подробнее см. у автора данной статьи: Мусиенко С.Ф. «Творчество Зофьи Налковской», Минск, «Наука и техника», 1989; Святлана Мусіенка – Марыя Лізіс (Гродна-Кракаў) Зоф’я Налкоўскай і газета «Еха келецке» (З неадаследаваных матэрыялаў творчасці Зоф’і Налкоўскай, сс. 32-40. У: Творчасць Зоф’і Налкоўскай і славянскія культуры. Гродна, 2005.

³⁰ Asnyk A. Poezje wybrane. Warszawa, PWN, 1978. с. 139.

Философскую концепцию Асныка гродненцы воплотили в конкретное явление – сохранение памяти об Элизе Ожешко.

Уже при жизни, – пишет Эмилия Балос, – Ожешко снискала повсеместное почитание и уважение, а после смерти привязанность к ней и восхищение ею возросло. Ее похороны, в которых приняло участие все население Гродно и окраин, невзирая на различие вероисповеданий и социального статуса, были выразительным доказательством этих чувств. Имя Ожешко было у всех на устах... Люди, которым имя Ожешко было особенно дорогим, позаботились о том, чтобы память о ее заслугах не угасла в сердцах потомков, решили создать объединение с целью поддержания и сохранения культа носительницы народного светоча. Так было создано «Объединение друзей Элизы Ожешко» в Варшаве с филиалом в Гродно»³¹.

Популярность творчества Ожешко ширилась и росла после ее смерти: произведения писательницы переводились на многие языки, вводились в программы школ и вузов, вначале польских, а затем и зарубежных, ширился круг его научных исследований, проводились и проводятся международные конференции и массовые чтения ее произведений. Если говорить о странах славянского ареала, то можно считать, что сегодня – на исходе второго десятилетия XXI века в гуманитарных науках сложилось направление – ожешковедение. Не без оснований можно утверждать, что главные направления в изучении жизни, деятельности и творчества Ожешко заложены и обозначены в мемориальной книге гродненских исследователей «*Elizie Orzeszkowej w hołdzie*» (1929), ценной еще и тем, что в ней описана история увековечения памяти писательницы и история первого ее памятника – бюста Ожешко, изваянного скульптором Ромуальдом Зэрыхом.

В книге опубликован важный документ, оставшийся единственным свидетельством перипетий при создании памятника, который отражает и борьбу за него гродненских интеллектуалов с властями, и трудности материальные, связанные со сбором денег на его создание, о чем свидетельствует финансовый отчет оргкомитета, организация торжественного его открытия и издание мемориальной книги об Ожешко. К сожалению, в книгу не вошли выступления участников торжества, поскольку ее издание было приурочено к открытию памятника (20 октября 1929 года).

Дань восхищения жизнью и творчеством Ожешко от имени польских деятелей культуры на открытии памятника выразила популярная

³¹ *Elizie Orzeszkowej w hołdzie*. Grodno, 1929. с. 42.

писательница Зофья Налковская, которой пришлось не только жить в Гродно (1922–1927 гг.), но и по-своему продолжить деятельность и творческие традиции своей великой предшественницы. „Прекрасная и благородная слава – сказала она, – которая окружила имя этой полькой женщины в стране и далеко за ее пределами, будет жить до тех пор, пока польский язык будет инструментом творения добра и мысли. В ее великом творчестве отражена вся необычайная красота этой земли и все разрушающие ее трагедии. Ее мудрая доброта находила спасение не в противоречиях и борьбе, а в глубоком чувстве равенства и братства»³².

История жизни, деятельности и творчества Элизы Ожешко далеко не исчерпана и выходит за пределы книги, поскольку многие очень важные факты, не исследованы и до сегодняшнего дня. Не найдены предметы быта писательницы, которые могли бы служить музейными экспонатами, не найдены рукописи и прижизненные издания ее произведений, в том числе и их переводы на иностранные языки. А сколько бесценных гербариев, сделанных руками писательницы, находятся во владении неизвестных людей? До сих пор не названы имена гродненцев, которые спасли от разрушения фашистами памятник Ожешко в годы Второй мировой войны. Не менее значимой осталась и загадка творчества писательницы. В роман «Над Неманом» она включила прекрасную легенду о Яне и Цецилии – первых поляках, которые своим благородным трудом и силой любви, преодолевшей социальное неравенство, цивилизовали эту прекрасную землю, создали семью, именем которой назвали деревню Богатыровичи (белорусифицированное название Богатыревичи). На краю этой реальной деревни над обрывом находится могила с надгробным камнем. Ожешко назвала ее могилой Яна и Цецилии – основоположников рода Богатыревичей. Этой легенды нет в ни литовском, ни белорусском, ни польском фольклоре. Сочинила ее Элиза Ожешко, но жители Гродненщины, а главное – деревень Богатыревичи и Миневици (в романе «Над Неманом» – Корчин) настолько уверовали в реальность мифа и реальность событий произведения, что, начиная с 1888 года (публикация романа «Над Неманом»), ставят на этой могиле деревянное распятие, причем сделанное кем-то из них. Этот обычай сохранился до сегодняшнего дня. Миф, сотворенный Ожешко, стал реальностью и одновременно – своеобразным завещанием писательницы жителям наднеманского

³² Nałkowska Z. *Widzenie bliskie i dalekie*. Warszawa, Czytelnik, 1957. с. 140.

края. Романный вымысел трансформировался в факт жизни. На таинственном надгробии, «материализованном» Ожешко в реальную могилу литературных героев, есть надпись, которую до сих пор не расшифровали ученые.

Возможно, ее прочтение подтвердит художественный вымысел нашей великой землячки...

Bibliografia

Elizie Orzeszkowej w hołdzie, Grodno 1929.

Asnyk A., *Poezje wybrane*, Warszawa, 1978.

Nałkowska Z., *Widzenie bliskie i dalekie*, Warszawa, Czytelnik, 1957.

Мусиенко С.Ф., *Творчество Зофьи Налковской*, Минск, «Наука и техника», 1989.

Святлана Мусиенка, Марыя Лізіс (Гродна-Кракаў), Зоф'я Налкоўская і газета «Еха келецке» (*З недаслідаваных матэрыялаў творчасці Зоф'і Налкоўскай*), сс. 32-40. У: *Творчасць Зоф'і Налкоўскай і славянскія культуры*. Гродна 2005.

Swietłana Musijenko

Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. Janki Kupały, Białoruś

«ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ» – КНИГА ПАМЯТИ

ОБ ЭЛИЗЕ ОЖЕШКО

«ELIZIE ORZESZKOWEJ W HOŁDZIE» ГРОДНО, 1929

Резюме

В статье решается проблема увековечения памяти Элизы Ожешко, анализируется коллективный труд представителей гродненской интеллигенции, посвященный Элизе Ожешко, в котором впервые в литературоведении представлены материалы о жизни, деятельности, творчестве и ботанических исследованиях Элизы Ожешко. Книга является предметным воплощением памяти о писательнице и свидетельством любви к ней гродненцев.

Ключевые слова: Ожешко, память, Гродно, жизнь, памятник, персонажи, творчество, восстание 1863, земля

Swietłana Musijenko

Grodzieński Państwowy Uniwersytet im. Janki Kupały, Białoruś

**„ŻYCIE PO ŚMIERCI” –
KSIĘGA PAMIĘCI O ELIZIE ORZESZKOWEJ
„ELIZIE ORZESZKOWEJ W HOŁDZIE”, GRODNO 1929**

Streszczenie

W artykule rozpatrywany jest problem utrwalenia pamięci o Elizie Orzeszkowej, analizowana praca zbiorowa przedstawicieli inteligencji grodzieńskiej, poświęcona Elizie Orzeszkowej. W pracy tej po raz pierwszy w literaturoznawstwie zostały przedstawione materiały o życiu, działalności, twórczości i badaniach botanicznych Elizy Orzeszkowej. Książka jest ucieleśnieniem pamięci o pisarce i świadectwem miłości do niej grodnian.

Słowa-klucze: Orzeszkowa, pamięć, Grodno, życie, pomnik, bohaterowie, twórczość, powstanie 1863, ziemia.

Swietłana Musijenko

Yanka Kupala State University of Grodno Belarus

**“LIFE AFTER DEATH” –
A TRIBUTE TO ELIZA ORZESZKOWA
„ELIZIE ORZESZKOWEJ W HOŁDZIE”, GRODNO 1929**

The paper examines the issue of preserving the memory of Eliza Orzeszkowa. It includes the analysis of the collected writings of Grodno intellectuals devoted to Eliza Orzeszkowa. In this book, for the first time in literary studies, materials about Eliza Orzeszkowa's life, activity, works and botanical research have been presented. The book is the embodiment of memory of the writer and the testimony of love Grodno residents had for her.

Keywords: Orzeszkowa, memory, Grodno, life, monument, heroes, works, January Uprising 1863, land.